

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го ноября. № 21. 1891 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Религіозный элементъ въ поэзіи Лермонтова ¹⁾.

Религіозное настроеніе, въ минуты котораго поэтъ чувствовалъ миръ въ своей душѣ, наслаждался полнымъ успокоеніемъ отъ тревожныхъ думъ и горькихъ сомнѣній, вызывалось нерѣдко даже однимъ виѣшнимъ видомъ священныхъ предметовъ или воспоминаніями, имѣвшими такое или иное отношеніе къ религіи. Внезапно возникшія отрадная мысли и чувства такъ сильно овладѣвали душой поэта, что заставляли иногда позабывать такія горести и невзгоды, которыя, можетъ быть, за минуту передъ тѣмъ заставляли его переживать страшную тревогу и безпокойство. Прекраснымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить замѣчательное, по своимъ художественнымъ совершенствамъ, стихотвореніе—„Вѣтка Палестины“ ²⁾. Касаясь этого произведенія, весьма важно указать на тѣ обстоятельства, при которыхъ оно было написано. Въ 1837 году,

¹⁾ Окончаніе. См. № 20-й.

²⁾ I, 11.

кроткимъ вѣніемъ свѣтъ и все проникнуто глубокимъ чувствомъ религіознаго благоговѣнія. — При видѣ пальмовой вѣтви поэтъ переносится воображеніемъ въ Святую землю и характеристическими чертами рисуетъ одну за другой картины ея разнообразной мѣстности.

„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,

Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла,

Какихъ холмовъ, какой долины

Ты украшеніемъ была?

У водъ-ли-чистыхъ Иордана

Востока лучъ тебя ласкалъ,

Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана

Тебя сердито колыхалъ?”

Переходя, вѣтвь къ жителямъ Иерусалима, которые приготавливаютъ пальмовыя вѣтви для продажи богомольцамъ, религіозно-настроенный поэтъ представляетъ „сыновъ Солима“ за этимъ занятіемъ не иначе, какъ съ тихой молитвой на устахъ, или съ священными пѣснями о славнои старинѣ.

„Молитву-ль тихую читали,

Иль пѣли пѣсни старины,

Когда листы твои сплетали

Солима бѣдные сыны?”

Несмотря на настоящее жалкое, бѣдственное положеніе въ родной странѣ, въ нихъ сильно развито религіозное чувство и крѣпко живетъ сознаніе своей исторической славы. — Но вотъ вѣтвь переходитъ къ богомольцу, пришельцу изъ дальнихъ странъ, и воображеніе поэта рисуетъ новые образы: странникъ, занесшій пальмовую вѣтвь въ отдаленный край Россіи, былъ кающимся грѣшникомъ, который во время путешествія скорбѣлъ и плакалъ о своихъ грѣхахъ, влиже, напротивъ, это былъ человекъ святой непорочной жизни: ясный, спокойный — взглядъ его показывалъ, что и

по суду человѣческому, и по суду Божьему онъ достоинъ
быть небесной награды.

Повѣдай: набожной рукою

Кто въ этотъ край тебя занесъ?

Грустиль онъ часто надъ тобою?

Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль, Божьей рати лучший воинъ,

Онъ былъ съ безоблачнымъ челомъ,

Какъ ты, всегда небесъ достоинъ

Передъ людьми и Божествомъ“?

Но кто бы ни былъ этотъ странникъ, по какимъ святымъ
побужденіямъ ни совершалъ бы онъ свое путешествіе, видно,
что съ „вѣтвью Ерусалима“ у него соединяются воспоминанія
о самыхъ лучшихъ, счастливыхъ минутахъ жизни; она благо-
говѣйно хранится въ одномъ мѣстѣ съ предметами религіоз-
наго поклоненія и почитанія.

„Заботой тайною хранима,

Передъ иконой золотой

Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,

Святыни вѣрный часовой“!

Глубоко-религіозное чувство поэта подъ конецъ стихо-
творенія достигаетъ такой полноты и искренности, что вы-
сказывается не столько законченными фразами, сколько
отдѣльными словами и восклицаніями.

„Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,

Кивоть и крестъ, символъ святой!

Все полно мира и отрады

Вокругъ тебя и надъ тобой“.

Какъ много эти слова поэта говорятъ сердцу каждого
истинно вѣрующаго человѣка. Кому приводилось въ минуты
житейскихъ невзгодъ обращать свой взоръ къ святымъ
иконамъ и изъ глубины души—просить у Бога помощи и

защиты, тотъ знаетъ, какъ часто одного взора, проникнутаго искренней вѣрой и твердой надеждой, бываетъ достаточно, чтобы получить желанное успокоеніе и облегченіе въ сердцѣ.

Считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь еще на одномъ — неоконченномъ — стихотвореніи, въ которомъ Лермонтовъ переноситъ мыслію въ отдаленную эпоху первыхъ вѣковъ христіанства *). Стихотвореніе начинается изображеніемъ того состоянія христіанской Церкви, когда она терпѣла страшныя гоненія, и вѣрующіе массами гибли за имя Христово. Но несмотря на такое, крайне стѣснительное положеніе, юная Церковь нисколько не ослабѣвала, а только болѣе и болѣе усиливалась и крѣпла въ горнилѣ испытаній; необычайное мужество, съ которымъ мученики переносили всѣ измышляемыя злобой враговъ пытки, привлекало въ лоно Церкви все новыя и новыя силы.

Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ
ондо онъ становился, тѣмъ и тогда бѣдою

Но ежедневно, на мѣсто отрубленныхъ вѣтвей, у
дѣломъ божьихъ и вѣстиводѣломъ оцъ ангелъ, оцъ

— являлись Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.

Кромѣ того, Господь, для большаго прославленія Церкви, надѣлялъ вѣкоторыхъ изъ ея членовъ благодатной, сверхъестественной силой — совершать разныя чудеса. Слава о такихъ избранникахъ Божіихъ, о ихъ необычайныхъ дѣлахъ, расиространялась не только среди христіанъ, но даже и среди враговъ Христова ученія. Многіе язычники въ затруднительныхъ обстоятельствахъ жизни, когда теряли всякую надежду получить помощь отъ своихъ боговъ, обращались за ней къ православленнымъ исповѣдникамъ христіанской вѣры. Одинъ изъ такихъ случаевъ, вѣроятно

— являлись Церквѣ Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.

*) I, 63.

заимствованный изъ какого-нибудь разсказа, и передается
дальше Лермонтовымъ.

Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ,
— скрывался въ то время

Праведный старецъ, въ постѣ и — молитвѣ свой
вѣкъ доживая,

Богъ его въ людяхъ своихъ благодатью прославилъ,
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ

и тѣлесныхъ, и отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого

Званья; съ нею и мужъ ея, грусти исполненъ.
Просить она воскресить ея дочь, и внезапно во

дѣвственной жизни умершую...

Затѣмъ устами опечаленныхъ родителей, рассказывающихъ
святому старцу о своей дочери, поэтъ указываетъ на одно

интересное явленіе той же эпохи. Христіанское ученіе было
такъ высоко, жизнь его послѣдователей настолько чиста,

твердость мучениковъ такъ необыкновенна, что многія—
особенно юныя, впечатлительныя сердца невольно склонялись

на сторону гонимыхъ. Во многихъ языческихъ семействахъ
оказывались тайные приверженцы новой вѣры. Привлекатель-

ный образъ такой послѣдовательницы Христа Лермонтовъ
и рисуется въ лицѣ умершей дѣвицы Виргиніи. По разсказу

матери, дочь ихъ, отличавшаяся прежде беззаботностью и
и весельемъ, вдругъ странно и неожиданно перемѣнилась.

Въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей, и зорь отуманился думой;

Изъ дома стала она уходить д. зари, возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила.

При свѣтѣ

Поздней лампы, я видѣла разъ, какъ она, на
козлахъ
Тихо, усердно и долго молилась... Кому? неизвѣ-
стно...

На этомъ и обрывается данное стихотвореніе, которое, можно полагать, обѣщало быть поэмой съ глубоко-религіознымъ содержаніемъ. Но и одинъ этотъ строкъ, представляющій начало замышляемаго произведенія, имѣетъ для насъ въ данномъ случаѣ своего рода значеніе и представляетъ несомнѣнный интересъ. Воинствующая Церковь Христова, благочестивый старецъ-подвижникъ и наконецъ юная послѣдовательница христіанской вѣры обрисованы здѣсь такими чертами, что восторженно-религіозное чувство поэта слышится почти въ каждой строкѣ.

Въ состояніи религіознаго одушевленія, когда поэтъ освобождается отъ „бремени заботъ“, и „міръ мечтою благородной предъ нимъ былъ очищенъ и обмытъ“¹⁾, вишняя природа производила на него (т.-е. поэта) совершенно иное впечатлѣніе, чѣмъ въ минуты горькихъ сомнѣній и безотрадныхъ чувствъ. Всюду царящій въ ней мудрый порядокъ, цѣлесообразное ея устройство, поселяя въ душѣ успокоеніе и отраду, говорятъ ему о величій и премудрости Виновника всей этой міровой гармоніи. Прекраснымъ примѣромъ въ данномъ случаѣ можетъ служить одно изъ образцовыхъ стихотвореній Лермонтова, начинающееся словами: „Когда волнуется желтѣющая нива“²⁾. Здѣсь самые обыкновенные предметы и явленія: нива, тихо, плавно волнующаяся, лѣсъ, манящій къ себѣ своей свѣжестью, ручей, волшебнo журчащій,—до того поражаютъ поэта

¹⁾ I, 35.

²⁾ См. I, 17.

разлитой въ нихъ животворной, умаротворяющей красотой, что онъ ясно видитъ, невольно чувствуетъ промышляющую о мірѣ и человѣкѣ десницу Божию. Въ порывѣ охватившаго его восторженнаго чувства онъ невольно восклицаетъ:

И счастье я могу постигнуть на землѣ,

И въ небесахъ я вижу Бога!...

Въ эти минуты, когда душа поэта была открыта для высокихъ, религиозныхъ порывовъ, даже такая окружавшая его мрачная обстановка, какъ кладбище, могла вызвать въ немъ свѣтлыя мысли о величїи Творца вселенной.

Вчера до самой ночи просидѣлъ

Я на кладбищѣ, все смотрѣлъ, смотрѣлъ:

Вокругъ себя, полстертые слова

Я разбиралъ. Невольно голова

Наполнилась мечтами вновь; очей

Я не былъ въ силахъ оторвать съ камней!...

Краснѣючи, волнуется пырей

На солнцѣ вечера. Надъ головой

Жужжа, со днемъ прощаются игрой

Толпящіяся мошки,—какъ народъ

Существъ съ душой, уставшихъ отъ работъ!

Стократь великъ, Кто создалъ міръ! Великъ!...*)

Въ иное же время даже поразительно-красивыя явленія природы совершенно не могли возбудить въ душѣ поэта подобныхъ высокихъ мыслей или пролить въ сердцѣ болѣе или менѣе отрадныхъ чувствъ. Такая чудная картина, какую представляетъ тихая звѣздная ночь, когда земной міръ кажется какъ-бы покоящимся въ голубомъ одѣяніи луннаго свѣта, а въ небесномъ пространствѣ начинается

*) I, 175.

такая чудная, торжественная жизнь, что звѣзды ведутъ какъ-бы разговоръ между собою, только усиливаетъ мрачное настроеніе поэта; онъ не видитъ на землѣ счастья, потому что, не испытавъ его въ прошломъ, не надѣется получить и въ будущемъ.

„Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:

Жду-ль чего? жалѣю-ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,

И не жаль мнѣ прошлаго ничуть“¹⁾.

Поразительная картина природы до того усиливаетъ въ немъ чувство разочарованія, что ему хочется порвать всякую связь съ людьми и жить одной жизнью съ нею, т.-е. забыться для всѣхъ душевныхъ тревогъ и мученій и наслаждаться красотами внѣшняго міра²⁾.—Въ такія минуты онъ завидуетъ звѣздамъ прекраснымъ, желая занять ихъ мѣсто³⁾, тучкамъ небеснымъ, которымъ, при ихъ постоянной холодности и свободѣ, чужды страсти и страданія⁴⁾, хотѣлъ бы сдѣлаться синей волной, чтобы своимъ безпокойнымъ теченіемъ причинять людямъ одни несчастія, не страшиться мукъ ада и не прельщаться раемъ⁵⁾.

Религія, вдохновлявшая поэта мыслями высокими и чувствами благородными, имѣла своего рода вліяніе и на взглядъ поэта на сущность и задачи поэтического творчества. Въ стихотвореніи „Поэтъ“⁶⁾ Лермонтовъ называетъ поэта „осмѣяннымъ пророкомъ“; звукъ его могучаго, вдохновеннаго слова считается такъ же необходимымъ для толпы, какъ

¹⁾ I, 74.

²⁾ См. *ibid.*

³⁾ I, 240.

⁴⁾ I, 40.

⁵⁾ I, 263.

⁶⁾ I, 28, 29.

фиміамъ въ часы молитвы“; стихъ, содержащій въ себѣ „отзывъ мыслей благородныхъ“, носится, по его представле-
нію, надъ толпой, „какъ Божій Духъ“; послѣдній образъ
прямо заимствованъ изъ первой страницы Библіи, чтобы
яснѣе, рельефнѣе опредѣлить живительное, благотворное
дѣйствіе на людей высоко-поэтическихъ произведеній. Въ
другомъ стихотвореніи — „Журналистъ, читатель и писатель“
онъ называетъ рѣчь поэта, одареннаго „по волѣ Всевышняго
Бога полнотой мыслей и чувства“, прямо пророческою ¹⁾.
Всѣ такія и подобныя замѣчанія на счетъ поэта и его
дѣятельности были какъ бы прелюдіей къ знаменитому
стихотворенію „Пророкъ“ ²⁾, гдѣ проводится взглядъ на
поэтическое призваніе, какъ на священную миссію, подобно
служенію древнихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Этотъ могучій
призывъ къ проповѣди чистыхъ ученій любви и правды былъ
вмѣстѣ съ тѣмъ и заключительнымъ аккордомъ всей поэзіи
Лермонтова, его лебединою пѣснью. — Обрисовывая поэта
съ его дѣятельностью всецѣло чертами библейскаго пророка,
авторъ показываетъ здѣсь, какимъ образомъ „избранникъ
небесъ“ можетъ и долженъ выполнять высокую и широкую
задачу своего служенія обществу. Последнее, когда-то
обращавшееся къ поэту съ требованіемъ „давать ему строгіе
уроки“, стало бѣшено бросать въ пророка камнями и без-
жалостно изгнало его изъ своей среды, когда онъ началъ,
вмѣстѣ съ „провозглашеніемъ чистыхъ ученій любви и
правды, читать въ очахъ людей“ и, значить, обнаруживать,
обличать „страницы злобы и порока“. Какъ же поступаетъ
пророкъ — поэтъ, когда люди платятъ за его безкорыстное
и высокое служеніе самой черной неблагодарностью?

¹⁾ I, 37.

²⁾ См. I. 76.

Вмѣсто того, чтобы бросать въ ихъ глаза „железный стихъ, облитый горечью“, онъ кратко переноситъ ихъ на смѣшан и опечаленный удаляется въ пустыню; онъ надѣется, что люди во время его отсутствія сознаютъ свой грубый поступокъ, и раскаяются въ немъ. Далѣе рисуется трогательная картина жизни пророка въ пустынѣ. Чуждый заботъ о матеріальныхъ благахъ пророкъ въполнѣ явился здѣсь нищимъ, скитальцемъ, питавшимся тѣмъ, чѣмъ питаются неразумные обитатели пустыни.

„Посыпалъ пепломъ я главу
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу;
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи“.

Но за то чистая, невинная природа успокоила его, наполнила его сердце самой свѣтлой радостью; не только земная тварь, неуклонно сохранявшая завѣщаніе своего Творца—служить человѣку, оставалась вѣрной своему назначенію, но даже звѣзды небесныя какъ бы съ восторгомъ слушали его, выражая свою радость игрою лучей.

„Завѣтъ Предвѣчнаго храня,

Мнѣ тварь покорна тамъ земная,

И звѣзды слушаютъ меня,

Лучами радостно играя“.

Но пророкъ все-таки не забываетъ своего служенія, которое онъ призванъ выполнять въ этой жизни. Время отъ времени онъ появляется снова на улицахъ города, предполагая обнаружить въ его жителяхъ хоть какіе-нибудь задатки къ исправленію, или замѣтить въ нихъ пробуждающееся сознаніе своего глубокаго нравственнаго паденія. Но изгнавшіе его люди только еще болѣе убѣдились въ законности своего поступка, успѣли подыскать наглядныя неопровержимыя доказательства своей правоты, и вотъ, лишь

только пророкъ снова появился на улицах шумнаго города, самодовольные старцы надменно указывали на него своимъ дѣтямъ, какъ на грустный образецъ, до чего можетъ довести человека гордость, слѣпая мечтательность и неумѣнье „ужиться“ съ людьми. Въ его „угрюмости, худобѣ и блѣдности“, въ его плохомъ одѣяніи и въ особенности въ общей неависти и презрѣніи къ нему видѣли наглядное и яркое доказательство не благословенія, а отверженія Божія.

„Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!

Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;

Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,

Что Богъ гласитъ его устами!

Смотрите-жь, дѣти, на него,

Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!

Смотрите, какъ онъ вагъ и бѣденъ!

Какъ презираютъ всѣ его“!

Что же дѣлать пророку—поэту при такой закоренѣлой развращенности, какъ относиться къ такому закоснѣлому упорству людей? На это Лермонтовъ отвѣчаетъ въ другомъ своемъ стихотвореніи—„Мой домъ“ *). По смыслу этого послѣдняго поэтъ долженъ постоянно помнить и неустанно выполнять свою священную миссію служенія во имя любви и правды, какова бы ни была злоба людей противъ него, какъ бы ни были стѣснительны условія его жизни и дѣятельности. Самыя страданія, которыя ему приходится переносить отъ людей, даруютъ ему, при сознаніи высоты своего служенія, одно лишь успокоеніе.

*) I, 202.

„Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсенъ;
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ живетъ,
Но для поэта онъ не тѣсенъ...“

Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка—
Святое вѣчности зерно;
Пространство безъ границъ, теченье вѣса
Объемлетъ въ краткій мигъ оно.

И Всемогушимъ мой прекрасный домъ
Для чувства этого построенъ, —
И осужденъ страдать я долго въ немъ.
И въ немъ лишь буду я спокоенъ“.

На основаніи цѣлаго ряда разсмотрѣнныхъ нами произведеній Лермонтова можно вполне убѣдиться въ справедливости той мысли, которую мы высказали въ началѣ настоящей своей статьи; для каждаго яснымъ становится, какимъ образомъ религіозный элементъ, хоть ему сравнительно удѣлено небольшое мѣсто въ поэзіи, представляетъ, однако, въ послѣдней выдающееся явленіе. По своему характеру и тону, то высокому и торжественному, то тихому и спокойному, по чистотѣ и глубинѣ раскрываемыхъ здѣсь чувствъ и мыслей, по силѣ и благотворности впечатлѣній, остающихся въ душѣ читателя, произведенія этого рода являются по истинѣ перлами среди всѣхъ другихъ созданій музы Лермонтова.

Кромѣ того, всѣ они представляютъ громадный интересъ чисто въ біографическомъ отношеніи. По справедливому замѣчанію одного выдающагося нѣмецкаго критика, Боденштедта, „вѣрнѣйшее изображеніе личности Лермонтова все-таки остается намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ высказывается вполне такимъ, какимъ былъ; тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться“.

Произведения, избранныя нами для настоящей статьи, изображают Лермонтова глубоко-религіознымъ человѣкомъ и рисуютъ его личность цѣлымъ рядомъ другихъ симпатичныхъ чертъ: религія, являясь для него ангеломъ-утѣшителемъ, поселяла въ немъ и въру гордую въ людей и жизнь иную“, заставляла звучать самыя благородныя струны его сердца.

Трудно сказать, какъ бы окончательно сложились религіозныя взгляды поэта и насколько религія стала бы служить источникомъ его вдохновеній, если бы его поэтическая дѣятельность не прекратилась роковымъ образомъ такъ рано. Но судя по имѣющимся хронологическимъ даннымъ, религіозное настроеніе все чаще и чаще возникало у поэта въ послѣдніе годы: большинство произведеній, созданныхъ въ такія минуты, относятся именно къ концу его жизни.

А. Троицкій.

Освященіе храма въ селѣ Головинщинѣ. Нижне-ломовскаго уѣзда.

25 сентября, въ день преподобнаго Сергія, Радонежскаго Чудотворца, Головинщина торжественно праздновала свой храмовой праздникъ и освященіе обновленнаго своего приходскаго храма. Совершить освященіе храма было приглашенъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Митрофанъ, епископъ Пензенскій и Саранскій, который и далъ на это свое милостивое согласіе, обѣщавшись прибыть въ Головинщину наканунѣ дня освященія, 24 числа. Головинщина съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія новаго Архипастыря, котораго до сей поры она еще не имѣла случая видѣть и привѣтствовать.

24 числа, въ 10 часовъ утра, съ поѣздомъ Сызрано-

Вяземской желѣзной дороги, Его Преосвященство изволилъ прибыть изъ Пензы на ст. Воейково, гдѣ былъ встрѣченъ представителями мѣстной власти, начальникомъ Воейковской станціи, мѣстнымъ благочиннымъ и управляющимъ имѣніями г-жи Воейковой. Благословивъ собравшуюся въ вокзалѣ публику и приложившись къ стоящей здѣсь иконѣ Знаменія Пресвятой Богородицы, Его Преосвященство изволилъ прослѣдовать въ церковь села Каменки. Толпы народа, по всѣмъ улицамъ, двинулись къ церкви, побуждаемы искреннимъ желаніемъ видѣть своего Архипастыря, выслушать отъ него слово назиданія и получить его благословеніе. Послѣ обычной архіерейской встрѣчи въ церкви, Владыка произнесъ самъ многолѣтнее «братіи святаго храма сего, жителямъ веси сей» и затѣмъ обратился къ предстоящимъ съ рѣчью, въ которой, обративъ вниманіе на несогласіе въ вѣрѣ Каменскихъ прихожанъ, въ числѣ коихъ имѣется много раскольниковъ, указывалъ на нравственную преступность раздѣленій, на заблужденія раскольниковъ въ ученіи о Церкви и священствѣ и призвалъ всѣхъ къ соединенію въ духѣ любви, подъ кровомъ Церкви православной, и къ снисканію себѣ правды, мира и радости о Дусѣ Святѣ. По окончаніи рѣчи Его Преосвященство благословилъ всѣхъ предстоящихъ, послѣ чего мѣстный церковный староста Варышевъ, отъ имени всѣхъ прихожанъ, поднесъ Владыкѣ хлѣбъ-соль, на блюдѣ. Осмотрѣвъ во всѣхъ подробностяхъ церковь, ризницу, документы и помѣщенный въ церкви сходень, по которому изволилъ сойти изъ вагона на платформу Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, во время своего прослѣдованія чрезъ станцію Воейково, 2 августа, Его Преосвященство поспѣтилъ одомъ священника, діакона и управляющаго, гдѣ изволилъ обѣдать, и затѣмъ, при

колокольномъ звонѣ, привѣтствуемый массою народа, напутствуемый самыми искренними пожеланіями Каменскихъ прихожанъ, на которыхъ Владыка произвелъ самое лестное впечатлѣніе своимъ ласковымъ обращеніемъ, изволилъ отбыть въ Головинщину.

Головинщина, въ ожиданіи прибытія Архипастыря, приняла праздничный видъ: улицы были чисто выметены, возлѣ каждого дома стояли столы, накрытые бѣлыми, чистыми скатертями, съ хлѣбомъ и солью. Въ 12 часовъ прибыла въ Головинщину свята Его Преосвященства; народъ тогда устремился къ церкви и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія Владыки. Въ 3 часа раздался благовѣстъ большого колокола, всѣ обнажили головы, взоры всѣхъ устремились на Каменскую дорогу; наконецъ подъѣхали къ церкви благочинный, приставъ, а затѣмъ и Его Преосвященство съ ключаремъ Пензенскаго кафедральнаго собора. По выходѣ изъ коляски, Его Преосвященство было встрѣченъ церковнымъ старостою и старшиною съ образомъ св. Сергія и хлѣбомъ-солью. Приложившись къ иконѣ, Владыка вошелъ въ церковь, гдѣ уже ожидало его собравшееся на освященіе духовенство. Въ дверяхъ храма мѣстный священникъ о. Соколовъ привѣтствовалъ Его Преосвященство слѣдующею рѣчью:

Ваше Преосвященство! Какія отрадныя, какія счастливыя минуты переживаемъ мы, встрѣчая Васъ въ своемъ храмѣ, въ этотъ священный и знаменательный для насъ день,—и не забвемъ да будетъ этотъ день для насъ надолго, надолго! Память о немъ мы сохранимъ изъ рода въ родъ, отъ потомства къ потомству. Въ эти отрадныя, въ эти счастливыя минуты намъ бы слѣдовало въ молчаніи благоговѣть, радоваться и благодарить Господа Бога за то, что онъ сподобилъ насъ лицомъ къ лицу привѣтствовать Васъ, нашъ гость желанный, но

подобныя минуты въ нашей жизни такъ рѣдки, что мы дорожимъ ими какъ самымъ драгоценнымъ случаемъ связать Вамъ свое теплое, задушевное слово. Примите, Ваше Преосвященство, глубокую благодарность отъ робкихъ, но искреннихъ сердецъ простыхъ, смиренныхъ сельскихъ жителей, за милостивое посѣщеніе веси сей и св. храма сего. Съ искреннею радостію и душевнымъ восторгомъ привѣтствуетъ Васъ ввѣренная моему духовному водительству часть Вашей обширной паствы,—все это православные христіане, послушныя чада Церкви Христовой, искренніе почитатели своихъ Архипастырей. Съ искреннею радостію и душевнымъ восторгомъ привѣтствую Васъ и я, недостойный рабъ Вашъ, такъ много Вами взысканный, такъ много Вами облагодѣтельствованный. Буди благословенно вхожденіе твое, нашъ Милостивѣйшій Архипастырь, гради во имя Господне! Въ глубинѣ признательныхъ сердецъ мы не престанемъ пѣть, какъ и всегда пѣли и поемъ тебѣ, отецъ нашъ: „εἰς πολλὰ ἐτή Δεσποτά“!

Минута была торжественна; многіе изъ предстоящихъ, отъ полноты чувствъ, плакали; даже діаконъ едва могъ произносить прошенія эктении, отъ приступившихъ слезъ радости и восторга. По окончаніи сугубой эктении и многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, всему Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду и Преосвященнѣйшему епископу Митрофану, Его Преосвященство произнесъ многолѣтіе прихожанамъ храма сего и жителямъ веси сей, и затѣмъ сказалъ рѣчь, въ которой, по поводу храмоваго праздника, говорилъ о молитвенномъ заступничествѣ—за насъ—святыхъ, а по поводу освященія храма—о всеосвящающей благодати Божіей и о средствахъ къ снисканію ея. Послѣ сего Его Преосвященство посѣтилъ домъ настоятеля, за тѣмъ навѣстилъ и церковнаго старосту.

Въ 5 часовъ началось всенощное бдѣніе, при громадномъ стеченіи народа. Богослуженіе совершалъ мѣстный священникъ, а Его Преосвященство, съ приглашеннымъ духовенствомъ, выходилъ на литію и величаніе; литія была совершена, по желанію Владыки, на церковномъ крыльцѣ, для того, чтобы дать возможность участвовать въ богослуженіи народу, наполнявшему и церковную ограду. Богослуженіе окончилось въ 9 часу; Его Преосвященство, съ священниками и нѣкоторыми приглашенными лицами, послѣ всенощной изволилъ быть у настоятеля, въ домѣ котораго имѣлъ и ночлегъ.

Утромъ, въ 3 часа, въ церкви совершена была утренняя, затѣмъ ранняя литургія и молебенъ св. Сергію, съ водосвещеніемъ. Въ 9 часовъ прибылъ въ церковь Его Преосвященство и въ сослуженіи о. ключаря, двоихъ благочинныхъ и многихъ сосѣднихъ священниковъ, совершилъ торжественное освященіе новаго престола и литургію. За литургіей, во время причащенія священнослужащихъ, мѣстный священникъ о. Соколовъ говорилъ проповѣдь. Въ основаніе ея проповѣдникъ взялъ текстъ изъ псалтири: Сей день, его-же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ оны. Сказавъ, что освященіе храма Божія есть великое и радостное церковное торжество по тому значенію, какое имѣетъ храмъ Божій для вѣрующихъ, какъ мѣсто назиданія, общихъ молитвенныхъ собраній и освященія благодатію Христовою, и призвавъ за тѣмъ къ общей радости,—прихожанъ храма сего о томъ, что у нихъ есть великолѣпный храмъ, который своею красотою представляетъ не только возможность, но и особое побужденіе къ удовлетворенію высшихъ потребностей человѣческаго духа, а всѣхъ прочихъ христіанъ о томъ, что не оскудѣла еще въ людяхъ любовь къ Богу и къ благолѣпнѣйшимъ храмамъ Божиимъ,—про-

повѣдникъ внушалъ слушателямъ въ разныхъ священныхъ изображеніяхъ храма видѣть побужденіе къ добродѣтели и нравственному совершенствованію. По отпустѣ литургіи говорилъ проповѣдь самъ Архипастырь. Обративъ вниманіе на то обстоятельство, что новый иконостасъ расписанъ во вкусѣ русской старины, Преосвященный проповѣдникъ похвалилъ любовь прихожанъ къ этой старинѣ, но увѣщевалъ брать изъ нея только доброе и нравственное. Затѣмъ, по поводу освященія храма, убѣждалъ слушателей обновиться духомъ; и замѣтивъ, что обновленіе духовное среди прихожанъ уже началось, что выразилось въ учрежденіи въ немъ общества трезвости, просилъ членовъ этого общества не нарушать даннаго Богу обѣта и всѣхъ вообще слушателей убѣждалъ не осквернить настоящаго торжества пьянствомъ и другими непотребными дѣлами. Изъ церкви Его Преосвященство, въ сопровожденіи священниковъ, уѣзднаго предводителя дворянства, земскаго начальника, двоихъ врачей и многихъ другихъ гостей, изволилъ прослѣдовать въ домъ настоятеля, гдѣ гостямъ предложены были чай и закуска, затѣмъ всѣ переѣхали къ церковному старостѣ на обѣдъ. Обѣдъ прошелъ въ самомъ оживленномъ настроеніи. За шампанскимъ было сказано нѣсколько рѣчей. Первый тостъ предложилъ за здоровье Его Преосвященства предводитель дворянства, графъ С. М. Толстой, отозвавшись въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о Владыкѣ, на что Его Преосвященство отвѣтилъ рѣчью о заслугахъ русскаго дворянства въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго водительства народа и провозгласилъ тостъ за здоровье дворянства и представителя его въ Н.ломовскомъ уѣздѣ—графа Толстого. Затѣмъ земскій начальникъ Н. Н. Ягодинскій въ своей рѣчи обратилъ вниманіе Преосвященнаго Архипастыря на настоящее бѣдственное положеніе

крестыянъ его участка, на что Его Преосвященство отвѣтилъ рѣчью о томъ, что въ трудныя минуты жизни народной, на помощь народу всегда въ числѣ первыхъ являлось русское купечество, искони прославленное любовію къ Богу, усердіемъ къ сооруженію и благоукрашенію храмовъ Божіихъ и пожертвованіями на нужды отечества; провозгласивъ тостъ за здоровье русскаго купечества, Его Преосвященство выразилъ надежду, что и настоящее собраніе не оставитъ безъ вниманія нуждающихся въ хлѣбѣ собратіи. М. Н. Ягодинскій въ своей рѣчи говорилъ о русскомъ духовенствѣ, собственно о сельскихъ священникахъ, которыхъ называлъ друзьями народными, сочувствующими нуждамъ его и являющимися всегда первыми помощниками ему въ годину бѣдъ и несчастій, и закончилъ свою рѣчь тостомъ за сельское духовенство.

Въ заключеніе Его Преосвященство предложилъ тостъ за здоровье мѣстнаго священника, о. Соколова, милостиво высказавъ, что онъ въ своей епархіи „имѣетъ не много священниковъ, подобныхъ отцу Владиміру, что онъ дорожитъ имъ и желалъ-бы, чтобы и Головинщина имъ дорожила, какъ пастыремъ достойнымъ и усерднымъ къ своему дѣлу“. Обѣдъ кончился въ четвертомъ часу, и Его Преосвященство отбылъ изъ Головинщины въ Головинскую Варижку, гдѣ предполагалось служеніе всенощной. На пути Владыка посѣтилъ Головинщинскую земскую больницу, гдѣ врачомъ былъ встрѣченъ съ хлѣбомъ-солью, благословилъ всѣхъ больныхъ, пожелавъ имъ скораго выздоровленія, былъ и въ квартирѣ врача. Въ с. Головинской Варижкѣ Владыка слушалъ всенощную, которую служилъ священникъ Мемновъ; по окончаніи богослуженія Его Преосвященство говорилъ проповѣдь о любви другъ къ другу, о чемъ особенно училъ празднуемый св. апостолъ и евангелистъ Іоаннъ.

Богословъ. Послѣ всеобщей Владыка навѣстилъ о. Мемнонова въ его домѣ и отбылъ на Воейковскую станцію и затѣмъ въ Пензу.

Головищина никогда не видала подобнаго торжества; стеченіе народа было громадное, до десяти тысячъ чело-вѣкъ. Въ пользу голодающихъ собрано: въ церкви—20 р., на обѣдъ—Его Преосвященствомъ—50 рублей и земскимъ начальникомъ также 50 рублей. Долго Головищина будетъ вспоминать этотъ радостный день, долго не забудетъ она посѣщеніе своего добраго, ласковаго, любвеобильнаго Архи-пастыря.

Изъ разсказовъ духовнаго ветерана.

1.

Въ селѣ Л. доживалъ свой вѣкъ заштатный дьячекъ Се-менъ Петровичъ Сладкогласовъ, глубокий старецъ, убѣлен-ный сѣдинами. По свойственному старикамъ обыкновению, Семенъ Петровичъ любилъ вспоминать о быломъ, сравнивать настоящее съ прошедшимъ и побесѣдовать о сѣдовласой старинѣ. Особенно любилъ онъ поговорить о томъ, какъ „во дни оны“ жилось духовной братіи.

„Тяжело и нынѣ“, говорилъ Семенъ Петровичъ, „жить нашей духовной братіи, а въ старину, лѣтъ пятьдесятъ-шестьдесятъ тому назадъ, было еще тяжелѣе: и бѣдности больше было въ духовенствѣ, и обиды несносныя часто приходилось терпѣть нашему брату отъ знатныхъ да силь-ныхъ людей“.

„Въ старину духовные любили потрудиться: они сами и пахали, и бороновали, и всякую крестьянскую работу справляли. Жили они, особливо въ селахъ-то, почти по-крестьянски, въ щегольство не пускались. Были въ то время

и священники (а ужъ о діаконѣхъ и причетникахъ и говорить нечего), которые лапотками не пренебрегали, а сапожки-то берегли про святъ день до обѣда да на тотъ случай, когда требовалось идти въ барскій домъ или къ начальству явиться. Стало быть, духовные умѣли беречь копѣечку. А все они отъ бѣдности да нужды не могли отбиться“.

„Бѣдно жили и священники, а ужъ нашъ братъ—причетникъ и совсѣмъ бѣдствовалъ. Вотъ, къ примѣру сказать, мой покойный родитель Петръ Димитричъ,—пошли ему, Господи, за долготерпѣніе царство небесное!—мученикъ былъ на семъ свѣтѣ. Состоялъ онъ причетникомъ въ барскомъ селѣ Овражкахъ (сначала былъ понамаремъ, а потомъ, на старости лѣтъ, взысканъ былъ архивастырскою милостью и повышенъ во дьячка). Родитель поступалъ въ Овражки на мѣсто своего престарѣлаго отца, а моего дѣда Димитрія Игнатича. Дѣдъ сдавалъ свое мѣсто съ уговоромъ, чтобы родитель мой взялъ на свое попеченіе и самого дѣда, и его двухъ дочерей, престарѣлыхъ дѣвицъ. Поэтому, у моего батюшки съ перваго же года службы на рукахъ оказалась не малая семья. Когда же батюшка сочетался законнымъ бракомъ, Господь благословилъ его самого дѣтками, и семья моего родителя скоро умножилась до десяти душъ“.

„Изъ силъ выбивались родитель мой и родительница Аграфена Кондратьевна,—царство ей небесное,—чтобы пропитать свою семью, да иной разъ ничего подѣлать не могли. На доходы отъ прихода никакъ нельзя было возлагать упованія. Прихожане, разоренные помѣщичьи крестьяне, за всѣ требы платили больно скудно: кто, бывало, дастъ за потребу каравай печенаго хлѣба, кто отпустить ковшъ муки на весь церковный причтъ, кто пожертвуетъ рѣшетечку овсеца.

А много-ли достанется изъ какого-нибудь каравая, полученнаго за крестины, на долю понамаря? Денежный доходъ и совсѣмъ былъ пустой: ежели батюшка мой получалъ этого дохода рубликовъ десятокъ въ годъ, онъ ликовалъ и почиталъ такой годъ доходнымъ. Жалованья въ то время духовенству не полагалось^{*)}).

Кое-гдѣ въ барскихъ-то селахъ церковники имѣли вспомошествованіе отъ помѣщиковъ, а въ Овражкахъ на этотъ счетъ было плохо. Овражками владѣлъ въ то время отставной подполковникъ Григорій Александровичъ Губаревъ. Онъ о церкви Божіей не радѣлъ, духовнаго званія не любилъ. Много поношеній чинилъ онъ духовному сану, а насчетъ вспомошествованія, бывало, — не взыщи: возика соломки не пожалуетъ на прокормленіе скота. А честь да угожденіе Губаревъ больно любилъ, и причтъ церковный держалъ въ страхѣ и покорности. Бывало, свадьбу не могли повѣнчать безъ его приказу: „я, говоритъ, одинъ только могу распорядиться моими подданными“ (такъ онъ называлъ своихъ крестьянъ). Законнаго-ли чего, незаконнаго-ли баринъ потребуетъ отъ тебя — ужъ, бывало, не супротивничай, а твори его волю; не то такой бѣды наживешь, что и жизнь тебѣ немила станетъ. Въ Овражкахъ годика съ два служилъ дьякономъ о. Петръ, по фамиліи Благодатскій. Тяжко онъ, бѣдный, пострадалъ за то, что не угодилъ барину. Съ этимъ Благодатскимъ былъ такой случай. Въ день тезоименитства барина въ Овражкахъ завсегда полагалось служить обѣдню, а потомъ молебень съ возглашеніемъ многолѣтія боярину Григорію Александровичу. Всѣ прежніе дьякона соблюдали это въ точности, а о. Петръ былъ чело-

^{*)} Жалованье духовенству Пензенской епархіи назначено было въ 1857 году, при преосвященномъ Варлаамѣ.

вѣкъ молодой да такой смѣлый. По молодости своей, онъ не зналъ еще, какъ плохо жить тому, кто не угодить сильному человѣку. Когда, по отслуженіи молебна, дѣло дошло до возглашенія многолѣтія барину, о. Петръ стоитъ да молчитъ. Священникъ о. Сергій говоритъ ему: „возглашай, дьяконъ, многолѣтіе боярину Григорію Александровичу“! Дьяконъ возьми да и скажи на это: „въ уставѣ не положено многолѣтія никакому боярину“. Баринъ, который былъ въ это время въ церкви, разсердился и крикнулъ: „не надо мнѣ твоего многолѣтія“! Сказалъ онъ эти слова и ушелъ изъ храма. О. Сергій тутъ же, въ церкви, предрекъ дьякону: „сокрушитъ тебя баринъ“! И точно, для дьякона наступило плохое житье: хлѣбецъ-ли у него вырастетъ въ полѣ—баринъ нагонитъ скотины и потравитъ, скотинку-ли дьяконъ выпуститъ на луга попасться—баринъ прикажетъ ее загнать и заставляетъ потомъ выкупить; разъ загналъ дьяконскихъ овецъ на свою псарню и отдалъ ихъ на растерзаніе псамъ. Терпѣлъ, терпѣлъ дьяконъ да и вдумалъ какъ-нибудь отплатить своему барину. Ухитрился какъ-то дьяконъ заманить къ себѣ на дворъ барскаго пса, порѣшилъ этого пса и гдѣ-то закопалъ. Встрянулъ баринъ его (песъ-то этотъ былъ любимый у барина и за большія деньги купленъ) и всю дворню поднялъ на ноги. Поискали, поискали пса, да не нашли его ни живого, ни мертвого. Ужъ и досталось же тогда дворовымъ людямъ, особливо псарямъ! Главнаго своего псара Тихона Петровича баринъ такъ сѣкъ, что тотъ, бѣдный, чуть Богу душу не отдалъ. Можетъ быть, и не дознались бы, отъ чьей руки погибла барская собака, да дьяконъ самъ какъ-то проболтался, и дошло это до барина. Хоть узналъ баринъ, отъ кого погибла его собака, но до поры—до времени по-малывалъ. Разъ ѣдетъ дьяконъ на луга и никакой бѣды

не ждеть. Проѣзжать дьякону надо было мимо барской усадьбы (баринъ-то у насъ жилъ въ концѣ села, немного поодаль отъ крестьянскихъ дворовъ). Вдругъ неожиданно-негаданно для о. дьякона съ барской усадьбы выходятъ три молодца, останавливаютъ дьяконскую лошадь, сталкиваютъ дьякона съ телѣги и ведутъ на барскій дворъ. „Пойдемъ-ка, говорятъ, къ барину на расправу; давно тебя тутъ поджидали“. Дрогнуло сердечко у дьякона. Попытался было дьяконъ вырваться, да не тутъ-то было: крѣпко держали. Привели бѣднаго дьякона на дворъ и доложили объ этомъ барину. Вышелъ баринъ и говоритъ: „скажи-ка-ка, долгогривый (онъ часто такъ называлъ нашего брата—духовнаго), какъ ты хоронилъ моего любимого пса. Привыкъ ты людей-то отправлять на погостъ да поминки справлять; тебѣ захотѣлось и мою собаку въ землю закопать“. Дьяконъ сталъ запыраться, да баринъ не далъ ему вѣры. „Знаешь-ли, допрашивалъ баринъ, какого ты пса-то у меня погубилъ?—Онъ у меня одинъ съ волкомъ справлялся; я ста душъ крестьянъ моихъ не пожалѣлъ-бы, лишь бы воротить этого пса“. Точилъ, точилъ баринъ дьякона да и скомандовалъ: „ведите-ка его на конюшню!“ А зачѣмъ туда водили—извѣстно. Бѣдный дьяконъ и прощенья просилъ-было, и судомъ угрожалъ, и на санъ свой священный указывалъ, да ничто не помогло“...

„Въ тотъ же день всѣ церковники узнали, какое посрамленіе учинилъ баринъ духовному сану, и перепугались: „ежели, думаютъ, съ дьякономъ такъ расправился, то доберется и до насъ“. Всѣ духовные совѣтовали дьякону не спускать таковой обиды и подать на барина жалобу, дабы ему впредь неповадно было чинить такое поношеніе духовенству. Дьяконъ походилъ-таки по судьямъ-то: былъ и у совѣстнаго судьи, и у уѣзднаго (въ то время были совѣст-

ные суды, уѣздные и земскіе), метался и туда и сюда. Но къ кому онъ ни являлся, вездѣ слыхалъ одно: „съ сильнымъ не тянись, съ храбрымъ не борись, съ богатымъ не судись“. Былъ у дьякона братъ двоюродный, по судейской части служилъ въ нижнемъ земскомъ судѣ. Этотъ братъ и говоритъ дьякону-то: „ты хочешь судиться, да перво-на-перво гдѣ у тебя свидѣтели-то? Ежели дворовые и видали, что съ тобой дѣлалъ баринъ, развѣ они покажутъ это? Они знаютъ, что баринъ за это съ нихъ шкуру спуститъ или въ солдаты отдастъ“. Видитъ дьяконъ, что дѣло его не выгоритъ и, пожалуй, еще за оклеветаніе самого-то подведутъ подъ судъ,—и махнулъ на все рукой: видно-де, ничего съ бариномъ не сдѣлаешь и праваго суда на него не сыщешь. Обидно показалось дьякону послѣ того, что учинилъ съ нимъ баринъ, жить въ Овражкахъ; поэтому, о. Петръ подалъ къ владыкѣ слезное прошеніе о перемѣщеніи въ другой приходъ. Владыка перемѣстилъ Благодатскаго, а на его мѣсто опредѣлилъ старичка о. Илью, который зналъ, какъ угодить господамъ, и никогда не отказывался отъ возглашенія многолѣтія боярину Григорію Александровичу... Такъ вотъ какія дѣла-то случались въ старше годы! Тошнехонько иной разъ становилось нашему брату—духовному!

„Много на своемъ вѣку пришлось потерпѣть отъ Губарева и моему родителю—покойнику. Бывало, баринъ такъ мудруетъ надъ нимъ, что посылай только, Господи, терпѣнья! Иной разъ и надъ бѣдностью-то родителя потѣшался да издѣвался. Батюшка, по своей бѣдности, одно полукафтанье нашивалъ по десяти лѣтъ. Какъ ни бережливъ батюшка былъ насчетъ одежки, а все, бывало, къ концу-то десятилѣтія полукафтанье-то такъ изотрется, что родительница, хоть она и мастерица была чинить всякое старье,

начинала отказываться отъ починки: „что хочешь, говорить, Митричъ (такъ она завсегда называла тятеньку), дѣлай, а чинить больше не можно, вездѣ худо“. Въ такомъ полукафтаниѣ родитель ходилъ и въ храмъ Божій, и къ барину прославить Христа или съ молебномъ... Ну, бывало, баринъ-то и начнетъ мудровать надъ батюшкой. „Ты къ кому явился: къ барину или къ какому-нибудь простому человеку?“ спрашиваетъ Губаревъ-то. — „Къ барину, къ вашему высокородію“, съ поклономъ, бывало, отвѣтствуетъ родитель. — „И къ барину-то, говоритъ Губаревъ, не простому, а къ подполковнику и разныхъ росейскихъ орденовъ кавалеру... Какъ же ты смѣлъ явиться ко мнѣ въ такомъ балахонѣ (такъ онъ называлъ родительское полукафтаниѣ)? Ежели не сошьешь себѣ новаго кафтана, я тебя дальше скотнаго двора и пущать не буду; я люблю чистоту въ одежѣ и порядокъ“. — „Состоянія не имѣю“, скажетъ, бывало, батюшка. — „Ну, такъ погромче кричи: подай, Господи!“ — „И безъ того, ваше высокородіе, велегласно пою и ежедневно притекаю съ молитвою къ Господу, а все, по моимъ великимъ прегрѣшеніямъ, обрѣтаюсь въ крайней бѣдности... Вотъ вы, ваше высокородіе, осмѣливался иногда сказать батюшка: вы не отверзете-ли свою щедрую руку и не пожалуете-ли отъ вашихъ великихъ благъ, бѣдности моей ради, на полукафтанице-то?“ — „ Попрошайка, глаза завидушіе, руки загребушія!“ укорялъ баринъ, но „щедрой руки не отверзалъ“.

„У барина нашего была мать Марья Гавриловна, а у крестьянъ она больше называлась „Губарихой“. Она не въ примѣръ была богомольиѣ своего сына и въ храмъ Божьей частенько бывала, но къ причту церковному тоже расположенія мало имѣла и скупа была на даванія. А для духовной братіи она — не вмѣни ей этого, Господи, во грѣхъ! —

больно была тяжела. Бывало, ежели Марья Гавриловна пожелаетъ быть у обѣдни, плетъ наканунѣ къ священнику двороваго человѣка сказать, чтобы не начинали службы до ея прїѣзда въ церковь; звонить даже не полагалось, пока барыня не выѣдетъ изъ своей усадьбы. И долго иной разъ приходилось ждать прибытія барыни: мой батюшка, бывало, разъ пять слазить на колокольню посмотриѣть, не ѣдетъ-ли барыня (съ колокольни-то видно было и барскій домъ, и какъ барыня выѣзжаетъ въ церковь). А въ церкви сколько уходу было за этою барыней! Батюшка мой, бывало, и коверъ для нея постелетъ около праваго клироса, и кресло поставитъ на случай, ежели барыня устанетъ и пожелаетъ присѣсть во время службы. За всѣ эти хлопоты „Губириха“, при поднесеніи ей просфоры на блюдечкѣ, клала на блюдечко по пятаку для причта“.

„Передъ праздниками барыня требовала церковный причтъ къ себѣ на домъ для служенія всенощной, и жаловала за каждую всенощную по гривеннику (такое ужъ у ней было положенье). Сѣтовали духовные, что барыня такое скудное воздаяніе назначаетъ, однако не осмѣливались доложить ей объ этомъ. Наконецъ, о. Сергій не стерпѣлъ. Одинъ разъ, наканунѣ сельскаго престольнаго праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, барыня потребовала церковный причтъ служить всенощную. Духовные ходили въ это время по приходу съ молебнами, но тутъ же оставили это дѣло и неукоснительно явились въ барскій домъ. На всенощномъ бдѣніи, по приказу барыни, прочитали два акаѣиста: одинъ Іисусу Сладчайшему, другой Божіей Матери. По сему случаю всенощная тянулась почти до полуночи. Духовные совсѣмъ выбились изъ силъ, — тѣмъ паче, что весь день, до самой всенощной, шествовали по приходу. По отслуженіи всенощной Марья Гавриловна, по своему обычаю,

жалуетъ гривенникъ. Какъ ни кротокъ и ни смиренъ былъ о. Сергій, но посмотрѣлъ на гривенникъ-то и говоритъ: „осмѣлюсь доложить, милостивая моя государыня Марья Гавриловна, что даяніе сіе несоотвѣтственно трудамъ: вѣдь, мы почти до полуночи служили всенощную; мы цѣлый день безъ отдыха съ молебнами ходили, а все-таки ваше повелѣніе исполнили и два акаѣиста прочитали на всенощномъ бдѣніи“. Удивляться надо, какъ у тихаго, смирнаго о. Сергія явилось дерзновение такъ говорить съ барыней: потому-ли смѣлость на о. Сергія напала, что барина въ ту пору не было дома (барина-то духовные больше боялись, чѣмъ барыни); потому-ли, что у самаго терпѣливаго человека бываетъ конецъ терпѣнію. Выслушала барыня слова о. Сергія и разгнѣвалась. „Ты, попишка, учить меня—старуху вздумалъ!“ крикнула на него барыня. „Прочь съ моихъ глазъ! Да помни ты жадный попишка, что твоя дерзкая рѣчь даромъ тебѣ не пройдетъ!“ Скоро смекнулъ священникъ, что маху далъ, и сказалъ причту, выходя изъ барскаго дома: „нажилъ я себѣ, на старости лѣтъ, заботушки; безъ жалобы ко владыкѣ дѣло не обойдется, а то и хуже что-нибудь сдѣлаютъ со мной—старикомъ“. И точно, мѣсяца черезъ два нашего о. Сергія вытребовали въ Пензу, ко владыкѣ. Тогда у насъ былъ преосвященный Афанасій, который угождалъ господамъ. Явился къ нему о. Сергій. „Ты какъ обидѣлъ барыню?“ спрашиваетъ владыка. Разсказалъ о. Сергій по чистой совѣсти, какъ дѣло было. „Ну, вины большой, говоритъ владыка, я за тобой не вижу. Но ежели ты не поладилъ съ барыней, тебѣ ужъ не житье будетъ въ Овражкахъ; потому удайся отъ зла и сотвори благо“, сирѣчь владыка велѣлъ о. Сергію пріискывать другое мѣсто. Воротился о. Сергій въ Овражки такой печальный. Онъ около сорока лѣтъ священствовалъ и все

въ одномъ приходѣ, зналъ въ Овражкахъ каждаго ребенка по имени и отчеству, думалъ тѣмъ и покончить свою жизнь и лечь въ могилу рядомъ съ отцомъ своимъ и дѣдомъ, которые служили въ томъ же селѣ. Хоть не сладка ему была жизнь въ Овражкахъ, а все жаль было, на старости лѣтъ, разставаться съ насиженнымъ гнѣздомъ, да и приходовъ подходящихъ въ ту пору не было. Подумалъ, подумалъ о. Сергій, да и рѣшился поклониться баринѣ. Въ первый разъ явился съ повинной—не допустила, въ другой разъ пошелъ—смиловалась. Остался о. Сергій въ томъ же приходѣ, но за то послѣ этого и командовала же надъ бѣднымъ священникомъ „Губариха“! Плату же за требы она не токмо не увеличила, но даже умалила и говорила духовнымъ: „за жадность вашу не стоитъ давать вамъ больше“... И, вѣдь, только для духовенства были такъ скупы наши господа, а на обѣды, на пиры, на псовую охоту и на разныя потѣхи они не жалѣли денегъ. Пирь, которые задавалъ нашъ баринъ, славились по всему округу. На нихъ да на псовую охоту Губаревъ и прожилъ большую часть своего состоянія“.

„Съ самаго поступленія на должность родитель мой увидѣлъ, что доходами отъ прихода не прокормить ему своей семьи, и принялся за хозяйство да работу. Ужъ и лють былъ онъ—покойникъ работать! Можно сказать работалъ, не щадя живота своего: бывало, раньше всѣхъ крестьянъ выѣдетъ въ поле и позднѣе всѣхъ вернется оттуда. И толкъ онъ зналъ въ хозяйствѣ: у него, бывало, зерно не осыпется въ полѣ, а завсегда онъ во время сожнетъ, во время посѣетъ“.

„Хоть и своей работы у батюшки было вволюшку, но онъ не отказывался помогать въ работахъ и своимъ односельцамъ; позоветъ-ли какой-нибудь мужичекъ моего роди-

теля помолотить, строить овинъ (насчетъ этого батюшка былъ мастеръ: никто, бывало, такъ не устроитъ овина, какъ онъ)—и родитель идетъ безотказно. И крестьяне любили звать батюшку на помощь. Они говорили: „Митричъ супротивъ троихъ сработаетъ“. Горько было иной разъ родителю работать на прихожанъ. Бывало, вѣтъ-нѣтъ да и молвить онъ—покойникъ: „эхъ, духовный чинъ, духовный чинъ, до чего ты дошелъ! Мы, духовные, ужъ и къ крестьянамъ-то барскимъ попали въ крестьяне!“ А отказаться помочь прихожанину было нельзя. Родитель рассуждалъ такъ: „у кого въ крайней нуждѣ искать помощи?— Не у кого, кромѣ прихожанъ; значить, и падо ихъ ублаговлять и угождать имъ“.

„У родительницы моей Аграфены Кондратьевны—сподоби ее, Господи, царства небеснаго!—тоже были работающія руки: все село, бывало, покоится сномъ, а моя матушка все еще сидитъ и, при свѣтѣ лучины, либо прядетъ, либо вяжетъ, либо штопаетъ какое-нибудь старье. Днемъ-то малые ребятишки не даютъ работать, такъ она ночной работой хотѣла наверстать. И когда только спала она—Богъ вѣсть!“

„Хоть батюшка мой и матушка томили себя на работѣ, а бѣдность и нужду не могли одолѣть. Семья-то, говорю, у насъ была большая, ѣдоковъ-то много, а настоящихъ работниковъ всего было двое: родитель да родительница. Вотъ дѣло на поправку-то и не шло. Еще разныя напасти приключались: то неурожай, то коровка падетъ, то лошадка... Ужъ и тужилъ батюшка объ одной лошадкѣ, которая у него пала! Никогда прежде я не видалъ, чтобы родитель мой плакалъ,—твердаго онъ былъ характера,—а тутъ расплакался, что твой малый ребенокъ. Упалъ онъ около трупа-то лошади и причитаетъ: „оставила ты, кормилица моя, меня съ малыми ребятишками безъ хлѣбушка! Погубилъ я

тебя тяжелой работой да плохимъ кормомъ" (годъ-то тогда былъ неурожайный, и скотинка больно страдала отъ безкормицы). Глядя на родителя, и мы, ребятишки, вдоволь наплакались по нашей лошадушкѣ. При такихъ напастяхъ, родителю и совсѣмъ нельзя было отбиться отъ нужды. Вездѣ, куда ни погляди, видна была его бѣдность. Избенка у батюшки была ветхая, низенькая да тѣсненькая, построенная еще моимъ дѣдомъ; дворъ огороженъ былъ плетнемъ; надворнаго строенія было мало. Съ первыхъ еще дней своей службы замыслилъ батюшка поставить себѣ новую, просторную избу, да такъ и скончалъ свою жизнь въ старой, лишь поправочки кой-какія въ ней дѣлалъ. Одежку мы всѣ, кромѣ батюшки, который иногда одѣвался въ полукафтанье, носили крестьянскую: тотъ же зипунъ, тѣ же посконные рубахи и сарафаны, тѣ же лапотки. Сапоги во всемъ домѣ были одни—у родителя, да и тѣ не самимъ имъ были сшиты, а достались ему отъ моего дѣда, по кончинѣ его. Я въ первый разъ увидалъ на своихъ ногахъ сапоги передъ тѣмъ, какъ меня собрались везти въ училище; а матушка и сестры мои совсѣмъ не выходили изъ лаптей. Въ неурожайные годы мы скудость большую терпѣли и въ насущномъ хлѣбѣ. Въ такіе годы намъ частенько приходилось пробавляться хлѣбцемъ съ лебедой или мякиной, да какими-нибудь щами съ черной капустой. Налъетъ, бывало, матушка чашку этихъ щей, поставить на столъ, да и молвить такимъ грустнымъ, печальнымъ голосомъ: „окромя щей, нечего, дѣтки, ѣсть. Больше ихъ ѣшьте; отъ нихъ скоро большія вырастете“. Поѣдимъ, поѣдимъ щей—нѣтъ, не вкусно, и заголосимъ мы, ребятишки-то, въ нѣсколько голосовъ: „кашки хотимъ“. — „Нѣтъ, родимые, ни крупянки нѣтъ, все извели“, скажетъ матушка, а мы все свое поемъ, все наши просимъ. „Походи, Митричъ, по

мужикамъ-то, скажетъ, бывало, матушка:—не дастъ-ли кто тебѣ крупки взаймы, а не то—горошку. Больно дѣтокъ-то жалѣ: голодають бѣдныя! Видимъ, что и батюшкѣ насъ жалко. Ну, возьметъ онъ мѣшокъ и пойдетъ по дворамъ-то крестьянскимъ. Глядимъ—идетъ нашъ батюшка къ вечеру домой такой веселый и несетъ на своихъ широкихъ богатырскихъ плечахъ мѣшокъ съ крупой или горохомъ. Увидимъ мы батюшку съ такой ношей—и возликуемъ. Родитель, бывало, при семъ случаѣ и похвалится: значить-де, прихожане ко мнѣ благорасположеніе чувствуютъ, ежели такъ выручаютъ изъ нужды“.

„Но не всегда такъ было. Иной разъ батюшка шествуетъ, шествуетъ по дворамъ-то и придетъ съ пустыми руками. Придетъ онъ, бывало, такой сердитый, съ нахмуренными бровями, мрачнѣе темной ночи и молча отдаетъ матушкѣ пустой мѣшокъ. Увидимъ мы, что родитель ничего не добился, и повѣсимъ носы-то“.

„Терпѣливъ и выносливъ былъ батюшка, а все-таки по временамъ больно жаловался на свою тяжелую жизнь да на горькую долю. Бывало, говоритъ онъ: „работаю я, не покладая рукъ, а все обрѣтаюсь въ нуждѣ да бѣдности, все мои ребятишки голодають. Когда же Ты, Господи, отверзеши щедрую руку Твою для меня, грѣшнаго раба Твоего“.

„Не сѣтоваль родитель на то, что крестьяне скудно платили причту. Про крестьянъ батюшка говорилъ: „гдѣ имъ взять? Они такіе же голяки, какъ и я, грѣшный“. Но на барина онъ частенько-таки жаловался. „Онъ, говорилъ родитель про барина, двѣ сотни псовъ кормить; а не видитъ и знать не хочетъ, что человѣкъ погибаетъ отъ голода. Любитъ онъ поношенія да обиды чинить нашему духовному званію, любитъ требовать отъ насъ угожденія и

покорности; а выручить нашего брата изъ нужды, видно, не его дѣло“...

Когда батюшку больно сокрушала нужда-то, онъ не прочь былъ и на насъ, ребятишкахъ, сорвать горе. Расшумимся-ли мы, спалимъ-ли чего—онъ покажетъ намъ свой пудовый кулакъ и крикнетъ: „сокрушу“! Ну, мы, бывало, и притихнемъ, и попрячемся, точно насъ нѣтъ: ужъ больно мы боялись батюшки-то, когда онъ былъ въ гнѣвъ. А иной разъ родитель и укорилъ насъ. „Ну, кто, говорилъ онъ-покойникъ, для вашихъ утробъ напасется хлѣба? Хоть замучай себя работой, а васъ все не накормишь“. Ужъ больно ему, бѣдному, тошно было съ нами“!

Родитель напускалъ таки на насъ страху, но матушка была у насъ ангельской кротости и доброты. Со всѣми она была привѣтлива; всѣхъ, не токмо своихъ, но и чужихъ людей, жалѣла, всякому любила доброе слово сказать. А въ дѣтяхъ своихъ она и души не чаяла и больно ласкова была съ нами, ребятишками. Батюшка называлъ насъ, ребятишекъ-то, Семкой, Машкой, Дашкой“, а матушка завсегда, бывало, скажетъ: „Семушка, Дашенька“, да еще прибавитъ какое-нибудь ласковое слово, примѣрно „голубчикъ, голубушка, касатикъ, касаточка“. Любила она-покойница насъ, ребятишекъ, приголубить. Бывало, соберетъ она насъ всѣхъ, посадить—кого на колѣни, кого около себя, начнетъ насъ ласкать да приговаривать: „милыя вы мои дѣтушки, ненаглядныя мои, соколы мои ясныя“... И гдѣ только брала она такихъ ласковыхъ словъ! Видя такія ласки, мы, бывало, и лнемъ къ матушкѣ; иной разъ намъ, бывало, такъ и хочется посидѣть съ ней да послушать ея ласковыхъ, привѣтливыхъ рѣчей“.

Хоть росли мы при нуждѣ да при бѣдности, хоть и

голоденъко намъ было иной разъ; все-таки мы, пока жили въ родительскомъ домѣ, подъ крылышкомъ матушки, всё были здоровехоньки и цѣлехоньки. Мало чего мы выдали, кромѣ чернаго хлѣба; а были такіе свѣженькіе, что матушка, глядя на насъ, только радовалась да сравнивала насъ—кого съ розанчикомъ, кого съ маковымъ цвѣтикомъ“.

М. Сацедотовъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальная хроника.

— 10 октября, въ день св. мученика Евлампія, бываетъ престольный праздникъ въ усыпальницѣ при Пензенскомъ кафедральномъ храмѣ. Наканунѣ праздника въ усыпальницѣ совершены были молебенъ и всенощное бдѣніе, а въ самый праздникъ—ранняя литургія. Позднюю же литургію совершалъ Преосвященнѣйшій епископъ Митрофанъ въ верхнемъ соборѣ, и по лѣ литургіи служилъ панихиду по приснопамятному святителѣ Пензенскомъ Иннокентіи, блаженная кончина котораго послѣдовала тоже 10-го октября (1819 года). За литургіею кончившій курсъ семинаріи (въ 1888. году) Иванъ Слоимскій посвященъ во діакона. Во время причащенія священнослужителей о. кафедральнымъ протоіереемъ С. В. Масловскимъ произнесено было слово о дѣяніяхъ святителя Иннокентія, изъ текста, положеннаго и на его памятникѣ: „онъ бѣ свѣтильникъ горя и свѣтя“ (Іоан. 5; 35). Въ нашихъ Епарх. вѣдомостяхъ о Преосвященномъ Иннокентіи помѣщены слѣдующія статьи: 1) „Воспоминаніе объ Иннокентіи, епископѣ Пензенскомъ“ (1875 г. № 18-й); „Иннокентій епископъ Пензенскій“ (1882 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6)—изслѣдованіе преподавателя дух. семинаріи Д. И. Троицкаго, вышедшее потомъ отдѣльной брошюрой); 3) „Преосвящен-

— Въ праздникъ Казанской иконы Божіей Матери Его Преосвященство совершалъ всенощное бдѣніе въ Каѳедральномъ соборѣ, при чемъ читалъ акаѳистъ предъ чудотворною иконою Богоматери. Литургію же Владыка служилъ въ Казанской церкви *), по случаю храмоваго праздника. Діаконъ Николай Вирганскій посвященъ во священника въ село Дурасовку, саранскаго уѣзда, а студентъ семинаріи, псаломщикъ Николай Соколовъ—во діакона.—Праздникъ Казанской иконы Божіей Матери въ нашей Церкви принадлежитъ къ числу великихъ праздниковъ въ честь Пресвятой Богородицы, и гражданскимъ закономъ поставленъ въ ряду дней неприсутственныхъ. Первоначально онъ установленъ былъ въ одной Москвѣ, при царѣ Михаилѣ Осодоровичѣ, съ благословенія отца его, патріарха Филарета, въ 1613 году, въ память избавленія Москвы и Россіи отъ поляковъ, молитвами Пресв. Богородицы, икона которой (списокъ съ чудотворной Казанской) принесена была въ Москву изъ Казани дружиною князя Дим. Мих. Пожарскаго. Но въ 1649 г. 22 октября установлено совершать празднованіе Казанской иконѣ Богоматери и по всей Россіи, по случаю рожденія у царя Алексѣя Михайловича наслѣдника престола, царевича Димитрія, что для Россіи, не задолго предъ тѣмъ испытавшей тяжкія бѣдствія отъ пресѣченія Царскаго рода, служило радостнымъ залогомъ будущаго благоденствія (Древн. Библ. VIII, стр. 148-я. Акты археогр. экзпед. IV, 61). Съ того времени стали повсемѣстно въ Россіи строиться и храмы въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Затѣмъ ни одна икона не имѣетъ столько пользующихся особымъ чествованіемъ сн-

*) Историческія свѣдѣнія объ этой церкви см. въ Пенз. Епарх. Вѣд. 1878 г. № 12.

сковъ, какъ Казанская икона Божіей Матери. Въ мѣсяцесловѣ архимандрита (нынѣ Преосвященнаго епископа Подольскаго) Димитрія (Тамбовъ, 1878 г.) приведено описаніе 34-хъ списковъ (стр. 110—119); но что ихъ гораздо больше, видно изъ того, что изъ списковъ, находящихся въ церквахъ Пензенской епархіи въ мѣсяцесловѣ упомянута только Казанская икона Богоматери въ нижнеломовскомъ Казанскомъ монастырѣ. Между тѣмъ, не говоря о чудотворной иконѣ, принадлежащей Пензенскому кафедральному собору, есть въ здѣшней епархіи еще 10 иконъ Казанской Божіей Матери, почитаемыхъ чудотворными и большинство—явленными. Таковы иконы: въ Инсарскомъ соборѣ, въ мокшанскомъ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, въ саранской Казанской церкви, въ селахъ: Ломовкѣ, мокш. у., Ивановкѣ, инс. у., Краснопольѣ и Азарапинѣ, наровч. у., Проказинѣ, краснос. у., Ельникахъ, того же уѣзда (образъ пожертвованъ, по преданію, княгинею Марѳою Никитишною, сестрою патр. Филарета Никитича) и Абалдуевѣ, чембарск. уѣзда *).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ для чтенія въ христіанской семьѣ **„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“** въ 1892 году будетъ выходить по слѣдующей программѣ:

1. Литературный отдѣлъ. 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. 3) Христіанское богослуженіе. 4) Христіанское искусство. 5) Церковная географія. 6) Евангельская проповѣдь. 7) Христіанская мысль. 8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы.

*) Описаніе этихъ иконъ см. въ Пенз. Епарх. Вѣд. 1870 и 1871 гг.

9) Церковно-бытовая жизнь. 10) Извѣстія и замѣтки. 11) Библиографія.

II. Иллюстраціи. 1) Изображенія св. угодниковъ Божіихъ, виды св. мѣстъ, обителей, храмовъ съ ихъ святынями, снимки съ иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари. 2) Портреты служителей христіанской истинны, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени. Типы ино-родцевъ, среди которыхъ подвизаются наши миссіонеры. 3) Снимки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. 4) Картины изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

Въ приложеніи къ каждому № „Воскресные Листки“: исторія и объясненія церковныхъ праздниковъ, жизнеописанія святыхъ и чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ православною Церковію.

Годовые подписчики, кромѣ „Воскресныхъ Листковъ“, получаютъ изящно-изданную книгу со множествомъ рисунковъ „Жизнь Пресвятой Богородицы“.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Москва, Кожевники, д. Троицкой церкви).

Редакторъ-издатель священникъ С. Я. Уваровъ.

Журналъ „ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ“ будетъ продолжено и въ 1892 г. по слѣдующей программѣ: I. Поученія и бесѣды на текущіе воскресные и праздничные дни. II. Изъясненіе священнаго Писанія. III. Статьи, преимущественно въ формѣ бесѣдъ, разговоровъ, представляющія разборъ и обличеніе заблужденій неправомыслящихъ, особенно шундистовъ, и служащія къ охраненію и утвержденію православныхъ въ истинной вѣрѣ. IV. Статьи объ истинныхъ христіанской нравственности съ обличеніемъ современныхъ пороковъ, о важнѣйшихъ церковныхъ обрядахъ, о подвигахъ св. угодниковъ Божіихъ и проявленіяхъ благодатной силы Божіей во св. Православной Церкви. V. Краткія библиографіи и объявленія о болѣе важныхъ, вновь выходящихъ,

книгахъ духовно-нравственнаго содержанія. VI. Въ приложеніи къ журналу будутъ издаваться „Кіевскіе Листки“ религіозно-нравственнаго содержанія для чтенія народа.

Въ видѣ особой преміи ко дню св. Пасхи всѣмъ подписчикамъ будетъ разосланъ сборникъ статей, для чтенія дѣтей въ школахъ и домахъ, подъ заглавіемъ: „Колокольчикъ церковно-приходской школы“.

Адресъ: Кіевъ, въ редакцію „Воскреснаго Чтенія“. (Подоль, д. Ильинской ц. № 3).

Редакторъ-издатель священникъ Іоаннъ Богородицкій.

Книги духовнаго содержанія продающіяся въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА. Въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 45.

Руководство къ библейской исторіи Ветхаго и Новаго Завета. Соч. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1888 г. Ц. за оба тома 4 р., за каждый отдѣльно по 2 р.

Катихизическія поученія на Символъ вѣры, молитву Господню, блаженства Евангельскія и на 10-ть заповѣдей Божіихъ. Свящ. П. Макарова. Изд. 2-е. Спб. 1891 года. Ц. 1 р. 50 к.

Объясненіе всеобщаго бдѣнія и божественной литургіи Іоанна Златоустаго, въ бесѣдахъ. Сост. свящ. Е. Медвѣдницкаго. Для домашняго чтенія своимъ сельскимъ прихожанамъ. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Христіанскія добродѣтели. Протоіерея І. Наумовича. Спб. 1890 г. Ц. 25 к.

Какъ въ простотѣ живутъ люди. Соч. протоіерея І. Наумовича. Спб. 1891 г. Ц. 50 к.

Сѣятель благочестія, или полный кругъ церковныхъ бесѣдъ, поученій и словъ. Протоіерея Василія Нордова (съ портретомъ автора). Въ 2-хъ томахъ. Спб. 1891 г. Цѣна 5 р. Въ красив. коленк. перепл. 7 р.

Катихизическія поученія на Символъ вѣры, молитву Господню, блаженства Евангельскія и на 10-ть заповѣдей

Божіихъ. Протоіерей В. Нордова. Изд. 5-е. Спб. 1891 г. Цѣна 1 р.

Полное собраніе поученій. Прот. Р. Путятіна. Съ портретомъ его. Изд. 21-е. Спб. 1888 г. Цѣна 2 р. Въ коленк. переплетѣ 3 р.

Святой пророкъ Даніилъ и его книга. Сост. преп. Питебск. дух. сем. А. Разумовскій. Ц. 1 р.

Исторія христіанской Церкви отъ Апостольскаго вѣка до нашихъ дней. Соч. Робертсона и Герцога. Перев. съ англійск. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ том. Спб. 1890—91 г. Ц. 10 р. Въ коленк. переплетѣ 12 р.

О православной христіанской вѣрѣ, по ученію слова Божія. Противъ молоканъ, баптистовъ и штундистовъ. Прот. Н. Русанова. Вып. второй. Спб. 1891 г. Ц. 30 к.

Секта Пашковцевъ. Г. Терлецкаго. Спб. 1891 года. Ц. 60 к.

Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ Православною Церковью. На основаніи священнаго Писанія и церковныхъ преданій. Составила С. Снегирева. Съ изображеніями въ текѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Роскошное иллюстрированное изданіе отпечатано на веленовой слоновой бумагѣ. Спб. 1891 года. Цѣна 3 р., въ изящномъ переплетѣ 4 р.

Училище благочестія, или примѣры христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житій святыхъ. Съ 16-ю рус. аквд. О. Г. Солицева. Изд. 15-е (второе иллюстр.). Спб. 1891 г. Ц. 1 р., въ изящн. коленк. переплетѣ 1 р. 75 к.

Жизнь Иисуса Христа. Соч. Ф. В. Фаррара. Новый переводъ съ 30-го англійскаго изд. А. П. Лопухина, съ прилож. ученыхъ изысканій по отдѣльн. вопросамъ изъ жизни І. Христа и прим. къ тексту. Изд. 5-е, со множественномъ иллюстр. и прѣл. роскошн. карты Палестины. Роск. изд. отп. на велен. бум. Спб. 1890 г. Ц. 8 р., въ изящн. коленк. перепл. 10 р. Пересылка за 10 фунт. по разстоянію.

Жизнь Иисуса Христа. Соч. Ф. В. Фаррара. Переводъ А. П. Лопухина. Четвертое общедоступное изданіе. Съ

прилож. 16-ти политипаж. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1890 г. Ц. 2 р. 50 к., въ изыщ. переплетъ 3 р. 50 к.

Жизнь и труды св. апостола Павла. Соч. Ф. В. Фаррара. Полный переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія А. П. Лопухина. Со множествомъ иллюстрацій и съ приложеніемъ 4-хъ раскраш. картъ. Роскошное изд. Спб. 1887 г. Ц. 8 р. въ изыщ. перепл. 10 р. Пересылка за 11 фунтовъ по разстоянію.

Жизнь и труды св. апостола Павла. Ф. В. Фаррара. Пер. съ 19-го англійск. изд. А. П. Лопухина. 2-е общедоступное изданіе. Спб. 1887 г. Цѣна 3 р. въ изыщномъ переплетѣ 4 р.

Первые дни христіанства. Соч. Ф. В. Фаррара. Перев. съ послѣдняго англійск. изд. А. П. Лопухина. Въ 2-хъ част. Спб. 1888 г. Ц. 4 р. въ изыщ. перепл. 5 р.

Жизнь и труды свв. отцовъ и учителей Церкви. Ф. В. Фаррара. Перев. съ англійск. изд. А. П. Лопухина. Спб. 1890 г. Ц. 4 р., въ изыщ. перепл. 5 р.

Пособіе къ изученію начальныхъ правилъ нотнаго пѣнія, составл. для народн. хора А. С. Фатѣева. Спб. 1889 г. Цѣна 65 к.

На пересылку книгъ магазинъ покорнѣйше просить предлагать примѣрно по 20 к. на каждый рубль.

Только-что отпечатанъ полный каталогъ книжнаго магазина на 1892 г. (преимущественно книгъ религіозно-нравственнаго содержанія) цѣна 35 к. При требованіи на другія книги, каталогъ высылается бесплатно.

Пензенское Отдѣленіе Московско-Рязанскаго Торговаго Банка симъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 1-го сентября сего года впредь до измѣненія взимаетъ:

По ссудамъ подъ 0% бумаги: до 9 мѣсяцевъ 8% , по спеціальнымъ счетамъ $8\frac{1}{2}\%$, по ссудамъ подъ товары $\frac{1}{2}\%$ ком. + 8% годовыхъ.

По учету векселей: до 3 мѣсяцевъ 8% , до 6 мѣся-

цевъ $8\frac{1}{2}\%$ по продажѣ товаровъ и по разнымъ порученіямъ отъ $\frac{1}{4}\%$ до 1% .

Выдача ссудъ: подъ билеты внутр. съ выигрышами займовъ, подъ билеты перваго займа 210 руб., втораго и третьаго займа 200 руб., подъ всѣ прочія $\%$ бумаги на 10% ниже биржевой цѣны.

Страхование билетовъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ по 75 к.

Покупка и продажа серій, $\%$ бумагъ и билетовъ внутр. съ выигрышами займовъ по точной котировкѣ Московской биржи, взимая комиссіонныхъ отъ $\frac{1}{4}\%$ до $\frac{1}{2}\%$, смотря по роду бумагъ.

Выдача переводовъ и аккредитивовъ внутри Россіи и за границу.

Обмѣнъ купоновъ отъ Государственныхъ бумагъ, серій, закладныхъ листовъ Московскаго земельного банка, а также обмѣнъ вышедшихъ серій, вышедшихъ въ тиражъ банковыхъ билетовъ и закладныхъ листовъ Московскаго зем. банка.

Безъ всякой комиссіи. Обмѣнъ купоновъ отъ прочихъ бумагъ, взимая $\frac{1}{3}\%$ комиссіонныхъ.

Исполненіе порученій по всѣмъ банковымъ операціямъ.

Адресъ для телеграммъ: Пенза, Московскій банкъ.

Въ Самарѣ на колокольно-литейномъ заводѣ принимаются заказы на отливку колоколовъ всевозможнаго вѣса, изъ матеріала отъ завода и отъ заказчика, мѣняются разбитые колокола на новые. На заводѣ имѣются въ продажѣ готовые колокола разнаго вѣса изъ самаго лучшаго матеріала. Заводъ помѣщается въ губернскомъ городѣ Самарѣ, близъ станціи Оренбургской желѣзной дороги. Обращаться съ заказами и за покупкою готовыхъ колоколовъ можно въ

заводъ и къ владѣльцу завода, Василию Ермолаевичу Буслаеву, имѣющему магазинъ мануфактурныхъ и мѣховыхъ товаровъ, на Алексѣевской площади въ домѣ Шабасовой. Тутъ-же покупаютъ красную мѣдь и разбитые колокола. На бывшей въ 1890 году научно-промышленной выставкѣ, въ Казани, заводъ нашъ получилъ за выставленные тамъ колокола въ награду за трудолюбіе и искусство большую серебряную медаль.

ОГЛАВЛЕНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ.

1. Религіозный элементъ въ поэзіи Лермонтова (окончаніе), А. Троицкаго.—
2. Освященіе храма въ селѣ Головининѣ, Вяземскаго уѣзда.— В. Изъ рассказовъ духовнаго ветерана, М. Саердотова.—
4. Епархіальная хроника.—
5. Объявленія.

Редакторы: (А. Поповъ,
(Н. Смирновъ.

Въ Самарѣ на колокольно-литейномъ заводѣ принимается
матеріалъ на отливку колоколовъ, а также и отливка разбитыхъ колоколовъ на ремонтъ. Не вѣдомо, въ какомъ изъ городовъ Самарскаго уѣзда находится заводъ, занимающійся отливкой колоколовъ. Въ губернской типографіи Самары, въ
Дозволено ценз. Пенза, 1 ноября 1891 г. Цензоръ, каедр. прот. С. Масловскій.

Печатано въ Пензенской Губернской Типографіи.